

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Отпусти
своего демона

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Отпусти своего демона

«ЭКСМО»

2015

Коган Т. В.

Отпусти своего демона / Т. В. Коган — «Эксмо», 2015 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Прошло уже два года, но психотерапевт Иван Кравцов никак не мог забыть медсестру из немецкой клиники, где ему восстанавливали зрение. Ему мучительно хотелось увидеть Гретхен, и наконец Иван, не выдержав, снова полетел в Мюнхен. Они встретились так, словно и не расставались. Иван не испытывал ничего подобного ни с одной из женщин! Несколько омрачал их отношения только Стефан, брат-близнец Гретхен. Почему он ведет себя так странно, будто ревнует сестру? Однажды Иван приехал к любимой, но не застал ее дома, и Стефан предложил немного выпить. Очнулся Кравцов со связанными руками в странной белой комнате, похожей на операционную...

Содержание

От автора	6
Сейчас	7
Тогда	9
Сейчас	14
Тогда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Коган

Отпусти своего демона

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

От автора

Выражаю сердечную благодарность прекрасной четверке, помогавшей мне в работе над серией «Чужие игры»:

Светлане П., за ее изящные идеи и вкусные детали, сделавшие картинку ярче;

Николаю Н., за его суровые мужские знания, которых не найдешь в интернете;

Эдуарду Ш., за вдохновляющую поддержку, благодаря которой я не вешала нос;

Евгению К., за то, что не позволял злоупотреблять «пистолетиком» там, где можно обойтись простым кулаком.

Сейчас

Утро выдалось морозным и ясным. Выпавший накануне снег мягко светился, источая в окружающее пространство белесое сияние. На кладбище было безлюдно – только одинокая фигура мужчины, стоявшего возле одной из могил, несколько нарушала царивший покой.

Мужчине было за тридцать. Его красивое, с правильными чертами лицо выражало сосредоточенную задумчивость. Он стоял неподвижно, сунув руки в карманы дорогого пальто, лишь изредка поводя плечами – будто сбрасывал накатывающее оцепенение.

– Все-таки пришел? – раздался за его спиной женский голос. – Я и не надеялась, что ты прослушаешь голосовую почту.

– Прости, Елизавета. – Мужчина развернулся, улыбкой приветствуя подругу. – Я слушаю все сообщения, просто у меня не всегда есть возможность ответить немедленно.

– Ладно, Ваня, забей. – Женщина подняла руку с бутылкой вина и потрясла ею в воздухе: – Выпьем?

– Конечно.

Несколько минут они стояли безмолвно, отхлебывая спиртное прямо из горлышка.

– Уже больше года прошло, – наконец произнес Иван.

– Год и три месяца, если быть точным.

Снова повисла пауза.

– Знаешь, я думала, что никогда не смирюсь. – Лиза мрачно усмехнулась. – Первое время вообще не верила. Даже когда убедилась в их смерти – все равно не верила. Представляла, что это какое-то недоразумение. Ведь невозможно такое, чтобы в моей жизни больше не было Макса. Да и Глеба тоже – пусть мы с ним и грызлись в последние годы. Но Макс – это особая тема, ты знаешь. Бывали периоды, когда мы с ним ссорились и не общались месяцами, но я все равно чувствовала, что он рядом и никуда не денется. А он делся. – Лиза отпила очередной глоток и помолчала. – Не было совершенно никакой возможности существовать без него. А я существую. Мне жаль, так жаль, что они погибли. Но все проходит. Жизнь продолжается. Понимаешь?

– Я понимаю. – Он погладил рукав ее пальто. – И сам чувствую нечто подобное. Иногда мне кажется, что все это случилось недавно, а потом смотрю на календарь...

– А мне, наоборот, чаще кажется, будто прошла уже целая вечность. И я живу без них долгие десятилетия. Какую-то другую жизнь. – Лиза смахнула с могильной плиты снежную шапку и процедила: – Какое идиотское надгробие! Его жenuшка не могла установить нормальный памятник!

– С памятником все в порядке. Просто ты скучаешь...

Иван тоже скучал. Они дружили со школьной скамьи и никогда не предполагали, что их компания распадется. Раздоры случались – чем дальше, тем чаще, но особенная связь, державшая товарищей вместе, не ослабевала. Они натворили немало дел. Как ни крути, они умели развлекаться. Святых из себя не строили. Нарушали закон, переступали через мораль. Они жаждали веселья. Для двоих друзей это веселье обернулось трагедией.

Прошлый год выдался для Ивана тяжелым. Сначала он потерял зрение и долго лечился в Германии. Несколько операций, долгая реабилитация, почти утраченная надежда. И наконец благополучный исход. Он даже не успел как следует порадоваться – весть о смерти товарищей ударила обухом по голове. Застрелены один за другим с интервалом в пару часов неподалеку от офиса, где работал Максим. Улик нападавший не оставил. Внятных версий произошедшего следствие до сих пор не обнародовало.

Джек знал, что убийцу не найдут. И Лиза тоже знала.

– По крайней мере Глебу я поставила приличное надгробие.

– Ему это безразлично, Елизавета.

– А мне нет.

Она вскинула на Ивана изучающий взгляд:

– Мы с тобой сто лет не виделись. Пойдем, посидим где-нибудь? Или работа?

– Работа. Но пойдем посидим.

Порыв холодного ветра заставил Лизу поднять песцовый воротник длинного черного пальто. Она обхватила предложенную Иваном руку, и они медленно двинулись по тропинке, ведущей к воротам.

Тогда

Свет стремительно прорезал темноту ночи, мчался по улицам так, словно от этого зависела его жизнь. Он перелетал через ограждения, люки, перила, прыгал то вперед ногами, то головой, приземлялся на ноги, на руки, перекатывался через плечо, чтобы погасить инерцию прыжка, и снова устремлялся вперед. Он двигался по городу, будто не стояло на пути ни домов, ни машин, ни заборов. Город был прямым бесконечным шоссе. Границ не существовало – только препятствия. А препятствия Свет давно научился преодолевать.

Белые кроссовки мелькали двумя нервными пятнами, перемещаясь из плоскости в плоскость. Двадцать метров по мокрому асфальту, два шага по лавке и мощный толчок – напрямик на тонкие перила подъезда, оттуда – на козырек над дверью и сразу же – на пожарную лестницу. Вскарabкаться на третий этаж, протиснуться в узкий проем между стенами, подтянуться, сделать выход на руки, взобраться на крышу. И снова бежать – быстро, бесшумно, мягко.

Не бог весть какая высота, но видно отлично: и сонные дороги, и темные окна домов, и сереющее на горизонте небо.

Сердце пропустило удар – впереди опаснейший участок. Главное – не замедляться, нарастить темп. Оттолкнуться от самого края, чтобы выиграть лишние сантиметры.

Раз, два, три!

Пропасть в два этажа ударила в лицо сырой пощечиной. А дальше – как в замедленной съемке. Невесомость, почти неподвижная. И пространство, с которым сливаешься в единое целое, становишься на какой-то миг бестелесным, бессмертным.

Бум!

Резкий удар, комок в горле, кувырок, еще один кувырок. Крыша гаража скользкая, но хорошо амортизирует.

Свет поднялся на ноги, сглотнул противный комок, отступил на несколько шагов для разгона и устремился к самому краю. Оттолкнулся правой ногой и выпрыгнул вперед-вверх, сгруппировавшись и выполняя сальто в противоположную от прыжка сторону.

Приземлился с авербаха идеально на носочки, даже ролл не понадобился.

Впереди оставалась половина намеченной дистанции.

Артем Светлов, он же Свет, он же Темыч – молодой парень в темных штанах и серой ветровке, с короткой стрижкой черных волос и с черными глазами, отражавшими отблески фонарей, – рванул с места.

Артем не знал точно, когда именно он решил заняться паркурком. Помнил только, как шесть лет назад случайно посмотрел фильм «Ямакаси» – о команде трейсеров, сделавших город своей игровой площадкой. Это было весело, но совсем не похоже на правду. Парни карабкались по отвесным стенам, перепрыгивали через барьеры, взлетали по лестницам – словом, здорово проводили время. Для подростка такой досуг казался привлекательным. Но Свет был достаточно разумным подростком, чтобы понять: в реальной жизни такого не бывает. Понять-то понимал, но все равно полез в интернет, узнать детали. Тогда-то и прочитал информацию о паркуре – умении рационально передвигаться в любых обстоятельствах на любом рельефе.

Статья за статьей, фильм за фильмом, форум за форумом – и спустя пару недель Артем осознал, что тысячи людей по всему миру практикуют и совершенствуются в паркуре. В его родном городе на тот момент было несколько действующих секций и даже парочка специальных залов. На первую тренировку шел неуверенно: спортом он никогда не занимался, физическая подготовка оставляла желать лучшего. Боялся, что не справится с элементарными упражнениями и будет с позором выдворен прочь. На удивление, встретили новичка тепло. Подробно объяснили, с чего начинать, показали базу, объяснили, как укрепить форму.

На следующий день Артем еле поднялся с кровати: не подготовленное к нагрузкам тело ныло и отказывалось служить. Тогда-то в нем и проснулась злая холодная уверенность, что он непременно одолеет эту науку. Вылезет из кожи вон, но станет хорошим трейсером.

На финише Свет ускорился. Обогнул остановку, свернул в знакомый двор с одноэтажными хозпостройками и старой детской площадкой. Подпрыгнул, оттолкнулся ногами от кирпичной стены, схватился за соседнюю стену, подтянулся, сделал выход, пробежал по бортику крыши, спрыгнул в песочницу, нырнул между планками шведской стенки и рванул по прямой в переулок, где стоял его дом.

У подъезда перешел на медленный шаг, достал телефон. Три километра за пятнадцать минут. Неплохо. Пятиминутный отдых, и повторить.

С момента первой тренировки минуло несколько лет, и Свет стал не только хорошим трейсером. Он стал одним из лучших.

Сделал пару глубоких вдохов, потряс ногами, расслабляя мышцы, и отправился на второй круг. Тренировку закончил утомительной серией подтягиваний на турнике.

Домой вернулся за полночь. Поднялся в квартиру, стараясь не шуметь – истеричная престарелая соседка только и ждала повода, чтобы поскандальить. На кухне включил чайник, изучил содержимое полупустого холодильника и повалился на матрас на полу с телефоном и булкой в руке.

Пока закипала вода, смотрел в ютьюбе новые паркур-видео. Отмечал нестандартные связки и элементы. Радовался, когда известные трейсеры исполняли трюки, которые он сам уже давно практиковал.

На первой секции по паркуру Артем подружился с Данилой, своим ровесником. Все ребята оказались постарше, лишь им двоим было по четырнадцать. Несмотря на юный возраст, чувствовал себя Данила в коллективе прекрасно, имея за плечами спортивное прошлое. Родители отдали маленького сына на акробатику и до недавних пор надеялись на его успешную карьеру в этой области. Однако, выполнив кандидата в мастера спорта, Данила утратил интерес к акробатике. Скандалы и увещевания не помогли – он увлекся паркуром. Немудрено, что в секции он исполнял опасные элементы получше большинства ее членов.

Артем взирал на Данилу с таким восхищением, что тот сам подошел и сам же предложил поднатаскать его в акробатике. Первое сальто, корявое и стоившее невероятных усилий, Артем сделал спустя два месяца. А потом стало полегче.

Денни – так величали Данилу товарищи – здорово подтянул новобранца. Иногда оставался с ним после тренировки – благо зал простаивал свободным – и помогал оттачивать рондаты, сальто, бланши. Удивлялся, как Свет быстро и легко все схватывал. Они тогда крепко сдружились...

Электрический чайник выключился. Артем неохотно отложил мобильный, сделал себе чай и, усевшись на широкий подоконник, оглядел комнату.

Квартира была так себе. А точнее, дерьмовая была квартира. Выцветшие и кое-где ободранные обои, облупленный потолок, потемневший от старости и сырости пол. В щели в рамках пробирался сквозняк, и если летом это не доставляло неудобств, то зимой становилось свежо и неуютно. Мебель состояла из стола, стула и кресла. Кровати не было, только матрас. Артем предпочел бы жить в более комфортных условиях, но пока возможности не было. Не бог весть какое, зато отдельное жилье. Тем более есть у этой квартиры главный плюс – она располагается в промышленном районе, идеальном для тренировок в паркуре. Он переехал сюда два года назад, едва дождавшись своего совершеннолетия.

Отец с матерью закатили истерику с пьяной бранью, битьем посуды и ломанием мебели, но к этому Артем уже привык и научился не обращать внимания. Собрал большую спортивную сумку – все свои пожитки – и хлопнул дверью. О родителях предпочитал не вспоминать – иначе невольно начинал злиться. У большинства его одноклассников было нормальное детство

– с походами в цирк и кино, с празднованиями дня рождения, с мандаринами на Новый год. А у него... У него было не так.

Сначала отец пьянствовал один, потом мать втянул. Жизнью ребенка родители интересовались чисто символически и преимущественно во время похмелья. Вряд ли Артем когда-то забудет, как по утрам злой и угрюмый отец внезапно вспоминал о родительском долге и требовал дневник. И если находил тройки (а тройки присутствовали всегда) – хватался за ремень. Сперва Артем терпел. Но когда занялся паркурром, стал давать отпор. С тех пор отношения накалились еще сильнее. Он и в институт умудрился поступить, лишь бы поменьше находиться дома. Потом устроился программистом на полставки и смог позволить себе аренду квартиры. Мать регулярно звонила, плакала, пыталась подsunуть какие-то деньги. Артем из принципа не брал. И все глубже проникался идеей чего-то добиться в жизни и обрести настоящую независимость.

Хорошо, что друзья у него настоящие. Без их поддержки он бы уже сто раз сломался.

Зазвонил мобильный. Свет взглянул на номер и улыбнулся: помяни черта.

– Эй, ты уже готов? – проорал в трубку Никита. – Ты не забыл, что сегодня клуб? Мы подъехали, ждем с Полимером внизу.

– Не забыл. Я только с пробежки пришел. Дайте мне пять минут, в душ схожу.

На заднем фоне послышалась женская речь, и Никита перевел в трубку:

– Пол говорит, что ты со своими тренировками скоро в киборга превратишься. Давай быстрее, мы подниматься не будем.

Приятель сидел за рулем, энергично тряс головой в такт музыке. Рядом расположилась миловидная шатенка с зелеными глазами. Она приветливо помахала Артему рукой и толкнула водителя в бок:

– Возвращайся в реальность. Отчаливаем!

Артем запрыгнул на заднее сиденье, и машина резко рванула с места.

Пока ехали, успели обменяться свежими новостями. Когда видишься каждый день, новостей масса, – только успевай рассказывать.

У клуба толпился народ. Никита проворно подскочил к знакомому охраннику, перекинулся парой фраз, кивнул на друзей, и их благополучно пропустили внутрь. Трижды в неделю Никита диджеил в этом клубе и имел право проходить бесплатно и проводить с собой гостей.

Для них нашлось укромное местечко за столиком в углу напротив бара. Полина заказала себе коктейль, а парни пиво. Пил Артем крайне редко, обычно обходился безалкогольным.

– Так чем, ты говоришь, закончилась твоя вчерашняя ночь? – перекрикивая музыку, спросил он Никиту.

– А тем, что та с пятым размером согласилась поехать ко мне, но, поскольку никакой хаты у меня нет и не было, пришлось изобразить страсть и раскрутить ее прямо в машине.

– А после этого Никитке внезапно позвонил друг и срочно попросил о помощи, – хихикнула Полина, помешивая трубочкой в бокале.

– И ты как преданный товарищ был вынужден оставить даму, – подвел итог Артем.

– Ну да. Я же настоящий друг. Полимера нужно было до дома донести, – рассмеялся Никита.

– А как ты рассчитала, когда нужно звонить?

Полина повела плечами:

– Не первый год знакомы. О физиологических способностях Ники я отлично осведомлена. Достаточно то время, о котором он заявляет, разделить на пять.

Все трое заржали.

Их маленькая компания сложилась еще в школе. В последних классах, когда все стали задумываться о поступлении, они выбрали один институт, а парни – даже один факультет. Вместе было проще готовиться к экзаменам, да и своей компанией вливаться в новую среду все-

гда легче. Учились в главном корпусе и на переменах вместе обсуждали однокурсников, делились впечатлениями. А поскольку жили в одном районе, часто и домой возвращались втроем. Артем и Никита учились на факультете программирования, Полина – на художественно-графическом, но поговорить им всегда было о чем.

Полимер вообще девчонка особенная – вроде и не пацанка, а все равно свой парень. С ней и посоветоваться о девочках всегда можно, и рекомендацию получить. Порой она даже сама подсказывала, к какой из ее одногруппниц реально подкатить. Полина носила джинсы и кроссовки, но выглядела женственно: длинные волосы, серьги, покрашенные ногти. Но вот что странно: несмотря на ее привлекательность, у Артема и Никиты никогда не возникло соблазна закрутить с ней роман. Это же Пол, Полимер. Кореш. Как можно?

– Кстати, какие у вас планы на следующую субботу? – спросила Полина, продолжая поигрывать соломинкой. – Меня пригласили поработать на арт-мероприятии, и там нужны парни с хорошим телом.

– Опять размалевывать нас будешь? – заинтересованно хмыкнул Никита.

– Не размалевывать, а творить искусство. Не надо недооценивать боди-арт. – Она сделала на телефон снимок бокала с коктейлем и тут же разместила в инстаграмме. – Так свободны вы или нет? Я могу вас в модели записать. Разумеется, не бесплатно. Заплатят, как в прошлый раз.

– Вечером и ночью я играю в клубе. На день планов нет. Так что вверяю свое тело в твои творческие ручки.

– А ты? – Подруга повернулась к Артему. Тот пожал плечами:

– В субботу я не работаю, а лишние деньги никогда не помешают.

– Фу, какие вы меркантильные.

Свет тут же исправился:

– Хотя деньги – это дело десятое. Мною движет исключительно желание помочь подруге.

– Ну да, ну да. – Ехидная усмешка скривила ее губы. – Вот заберу ваш гонорар себе и посмотрю на вашу реакцию.

Никита кашлянул в кулак:

– Эм... Ты это... Глупости-то не говори.

Артем засмеялся, за ним остальные.

Полина периодически участвовала в различных шоу и семинарах по боди-арту, театральному гриму и мейкапу и подтягивала туда приятелей. Делала это исключительно из благородных побуждений, давая парням шанс получить незапланированную прибыль. Конечно, платили крохи, но на кроссовки «Календжи» и широчи АндерВейс Артему хватало.

Из них троих Полимер, пожалуй, крепче всех стояла на ногах. Она твердо знала, в какой сфере хочет работать и кем стать в будущем. Она планомерно и методично шла к своей цели, и, надо сказать, у нее здорово получалось. Она училась на четвертом курсе, но уже имела определенную репутацию в художественных и артистических кругах.

Артем с Никитой подобным здравомыслием похвастаться не могли. Точнее, Никита проявлял относительно сносную адекватность, собираясь-таки идти по стезе программирования, а вот Свет демонстрировал полную оторванность от реалий. Он неплохо разобрался в компьютерах и понимал, что эта профессия способна прокормить. Но не испытывал ни малейшего энтузиазма по этому поводу. Он страшился думать о том, что его будущее ограничится тесными стенами офиса и корпоративной политики, что жизнь его будет течь по графику дом-работадом, исключая свободу передвижения и спонтанность, что в конечном итоге у него попросту не останется ни времени, ни сил на паркур.

Для непросвещенного человека паркур – незрелая забава, обезьяньи прыжки, суетливая беготня. Сколько раз Свет слышал брошенные вслед окрики «наркоман», «быдло», «хулиган». Для обывателей широкие штаны – как тряпка для быка. А уж если еще по стенам лазишь – то все, конченный. И ведь не объяснишь им, что широкие штаны не сковывают движений, а по

стенам ты не просто лазишь, а ищешь быстрый способ преодолеть препятствие. И пока кто-то ждет автобус или стоит в пробке – умелый трейсер найдет нестандартный путь и первым попадет в пункт назначения.

– Че-то Темыч пригрузился. – Никита сложил ладони и немилосердно гаркнул в ухо приятелю: – Проснись и пой!

– Придурок, – беззлобно откликнулся тот. – Энергии много?

– Ага, что-то прет меня сегодня. Пошли, Пол, взорвем танцпол.

– Рифмами заговорил, поэт. – Подруга встала из-за стола, приказала Свету сторожить ее сумку и поволокла Никиту в гущу дергающейся толпы. Звать Артема не имело смысла – красиво двигался он только на полосе препятствий. Он удобнее устроился на диване и стал следить за тем, как друзья отрываются под музыку. Потанцевать они любили, что и говорить. Иногда такие шоу устраивали, что зрители расступались и аплодировали. Они вообще во многом были похожи – удивительно, как до сих пор не сошлись. У Полины был на это простой ответ: для любви и страсти нужны различия и конфликты. Любить самого себя, только в другом облике, – скучно и неинтересно.

Полина запрыгнула на Никиту. Держась одними ногами за торс, откинувшись назад – ее длинные волосы коснулись пола, белая майка задралась, обнажая упругий живот. Сегодня друзья скромничали.

Артем достал мобильный и посмотрел время. До принятия решения оставалось сорок шесть часов.

Сейчас

За стеклом иллюминатора простиралась сверкающая белая пелена. Солнце било в глаза, но Джек и не думал прикрывать шторку. После унылого московского февраля столь жизнерадостная картина казалась особенно привлекательной. Салон был полупустой, рядом два свободных места, никто не бубнил под ухом, не храпел, не слонялся по проходу. Кравцов поставил на кресло сумку с ноутбуком и достал из бокового кармана тонкую кипу фотографий.

Вот на стуле возле барной стойки сидит Глеб и улыбается в камеру, рядом на диване вальяжно развалился Макс.

А вот и другой кадр – Лиза стоит в проеме двери и осуждающе смотрит на ржущего Макса. А вот Глеб – курит возле окна.

На следующей фотографии Лиза затягивается сигаретой Глеба.

Последний снимок смазан – Джек пытался запечатлеть вид из окна, но рука дрогнула, и в итоге получилось месиво из городских огней и темного неба.

Это была их предпоследняя встреча. Потом они встретились вчетвером лишь один раз, на его дне рождения.

Джек тогда только вернулся из Германии после удачной операции на глазах, и друзья пришли навестить его. Он воспользовался случаем, чтобы отщелкать допотопный пленочный Kodak, найденный в гараже у отца. После встречи положил фотоаппарат в ящик стола и благополучно позабыл. Лишь пару недель назад, разыскивая нужные документы, наткнулся на камеру. Отнес в салон, проявил пленку и напечатал снимки.

Так странно видеть знакомые с детства лица, помнить привычки каждого и понимать, что их больше не существует. Макс не расскажет анекдот, Глеб не закурит. С ними никогда ничего не произойдет. Теперь любое их движение, каждый шаг зависит от чьих-то воспоминаний. Они стали призраками – яркими, но неживыми проекциями самих себя.

О гибели друзей Джеку сообщила Елизавета. Не выдержала долгого молчания Макса и позвонила ему домой...

Джек не испытал шока. Не заметался в бессильной злобе. Не замкнулся в себе. Он как-то сразу принял произошедшее, словно давно к этому готовился. Возможно, сработал профессиональный эффект: психотерапевт Кравцов так долго учил своих пациентов переживать потери, что машинально включил правильную программу, когда потеря коснулась его самого.

Джек знал: наименее рациональный путь – рефлексировать о случившемся. Задавать вопросы. Визуализировать то, чего лишился. Сожалеть.

Нужно было по максимуму загрузить себя работой, чтобы на деструктивные мысли не оставалось сил. Что ж, у него это здорово получилось. Почти два года он не брал отпуск, не летал к родителям, не позволял себе развлечений. Чувствовал: еще не время. Боль утихла, но рана не затянулась. И он ждал, покорно и терпеливо, продолжая вкладывать всю энергию в практику и работу в клинике.

В какой-то момент понял: отпустило. Страх остаться наедине с эмоциями исчез. Иван сделал выдох и разрешил себе осознать, оплакать, отпустить. Печаль усилилась, разрослась, растеклась по организму. Но эта печаль не отравляла, не разъедала изнутри. Она просто присутствовала, как присутствуют в сердце сотни других эмоций.

Очень жаль, что двух близких друзей больше нет. Им было весело вместе. Не всегда просто – но весело, как ни крути. Наверное, он был не самым лучшим товарищем – чаще заботился о своих собственных интересах и порой опускался до поступков, о которых с гордостью не расскажешь. Да и после гибели двух близких людей Джек даже не попытался отыскать виновника. Макс бы на его месте сделал все возможное, чтобы найти и отомстить убийце. А он... просто смирился, отпустил ситуацию. В конечном итоге ничего уже не изменишь, неведомый

враг испарился и больше никому не угрожает. Так к чему дополнительные сложности? Джек дорожил дружбой. Ему будет не хватать Макса и Глеба. Но жизнь продолжается. Разумность часто граничит с малодушием. Он не питал иллюзий на этот счет.

«Уважаемые пассажиры! Через пятнадцать минут наш самолет приступит к снижению. Просьба занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. Спасибо за внимание», – мягкий голос бортпроводницы вывел Джека из задумчивости. Он сложил фотографии, убрал сумку под впереди стоящее кресло и откинулся на спинку. Картинка в иллюминаторе не изменилась, разве что солнце осталось позади самолета и не слепило.

Как он, оказывается, скучал по Мюнхену! По гигантскому навесу из стекла и металла на главной площади аэропорта Франца-Йозефа Штрауса. По вежливым таксистам у выхода в город. По чистому свежему ветру, рвущемуся в открытое окно автомобиля. Джек жадно вглядывался в опрятные улочки и нарядные переулки, в почти знакомые силуэты прохожих, шедших куда-то с благодушной неторопливостью... Он чувствовал, что город радовался ему, как радуется возвращению сына немногословный, сдержанный, но любящий отец.

Такси остановилось у красивого двухэтажного особняка, обнесенного невысоким вычурным забором. Джек расплатился с водителем, перекинул сумку через плечо и покатил чемодан по вымощенной дорожке, ведущей к дому.

Тихо открыл дверь, оставил багаж в прихожей и бесшумно прошел в гостиную. Он решил сделать родителям сюрприз и не предупредил о приезде.

Мать суетилась вокруг обеденного стола и не заметила его.

– Привет, мам. Как дела? – улыбнулся Джек.

Нужный эффект был достигнут. Мама на мгновение замерла, растерявшись от неожиданности, а затем всплеснула руками:

– Сынок! Ванечка! Радость какая! – и бросилась с поцелуями. – Что же ты не сказал? Мы бы тебя встретили!

Иван стойко выдержал затянувшиеся объятия и осторожно отстранился:

– Понял, что ужасно соскучился, и рванул к вам.

– Ох, как же хорошо! Ты надолго? – с надеждой спросила она.

– Не знаю. Пару недель точно побуду, а там как получится. Обратный билет не покупал.

– Отец-то как обрадуется!

– Где он, кстати?

– Он здесь, – раздался за спиной бархатный баритон. – Встречает своего сына!

Иван развернулся с улыбкой:

– Привет, пап.

– Привет-привет. – Сергей Иванович, такой же бодрый и подтянутый, как и прежде, шагнул навстречу и обнял сына. – Давненько ты к нам не навещался.

– Извини.

– Никаких извинений. Значит, не до того тебе было. Сожалею о твоих друзьях. – Сергей Иванович махнул на диван, приглашая сына сесть. – Как ты там поживаешь?

– Все нормально, пап. За те пару дней, что мы не общались по скайпу, ничего нового не произошло.

– Начинается, – нарочито обидчивым тоном заявила мать. – Сто лет вживую не виделись, а ему и рассказать нечего!

Джек чмокнул ее в щеку.

– Как обычно, мам. Я смотрю, у вас сабантуй намечается? – Он кивнул на сервированный стол.

– Да какой там сабантуй, так, отцовы коллеги придут в гости. Скучный деловой ужин с разговорами о бизнесе и политике, – весело покосившись на мужа, ответила мать. – Присоединишься?

– К скучному деловому ужину? – Джек хмыкнул. – С удовольствием!

Пару часов спустя, удалившись из-за стола под благовидным предлогом и оставив родителей в компании гостей, Джек поднялся к себе в комнату. Разобрал чемодан, принял душ, переоделся. Повалился на кровать, заложив руки за голову и уставившись в потолок. В родительском доме царило спокойствие. В родных стенах Джеку всегда становилось легче, расслабленной. Сколько бы тебе ни было лет, рядом с родителями ты всегда возвращаешься в детство.

В дверь деликатно постучали. Сергей Иванович заглянул в комнату.

– Устроился?

– Да, пап, проходи. Вы уже выпроводили гостей, что ли? Не рано?

Кравцов-старший шагнул вперед и присел на жесткое кресло.

– Да какой там выпроводили. Вечер только начался. Ты же знаешь, как у нас бывает.

– Знаю, – засмеялся Джек.

– Вот и я о чем. Ты тут не заскучаешь? Найдешь чем заняться? – Сергею Ивановичу очень хотелось поговорить без спешки по душам, расспросить о многом, – но сейчас был не самый подходящий момент.

– Не переживай. Когда это мне было скучно в компании с таким интересным человеком, как я сам? – Иван встал с кровати и бросил взгляд в окно на заиндеветые ветви деревьев. – К тому же я, наверное, пойду прогуляюсь по городу. Спать еще рано.

Сергей Иванович лукаво прищурился:

– Конечно, сходи, развейся. Если нужна машина, ключи в прихожей на полке.

– Спасибо.

– Развлекайся.

Джек проводил взглядом отца и, когда тот скрылся за дверью, вновь сел на кровать. Подумать только – он волновался! Уже не мальчик давно, а поди ж ты. Нужно срочно на свежий воздух.

Обычно февраль в Германии холодный. В этом году зима не спешила с морозами. Заснеженный Мюнхен выглядел игрушечным. Джек неторопливо ехал по городу мимо ажурных дворцов и рельефных соборов, уютных баров и бесстрастных офисных зданий. У Мариенплац припарковался, вышел в зябкую ночь и смешался с толпой прохожих. В центре всегда полно туристов, – сюда от ворот Карлстор идет пешеходная улица с прекрасной архитектурой, магазинами, ресторанами, сувенирными лавками. Иван предпочитал гулять в других районах города, не столь известных и менее оживленных. Но сегодня его тянуло сюда, в сердце Мюнхена, и люди не являлись помехой.

На площади играли музыканты. Зрители останавливались не столько послушать мелодию, сколько порассуждать, каким образом пианист умудрился притащить сюда рояль. В воздухе витал пряный аромат глинтвейна, четыре десятка колоколов молчали в ожидании утра, застывшие фигурки рыцарей и артистов на часах Новой Ратуши бесстрастно взирали на снующих внизу людей.

Джек остановился у фонтана с бронзовыми фигурами и ослепительно бирюзовой водой. Это был самый старый фонтан Мюнхена. Пока не изобрели холодильные камеры, уличные торговцы хранили в нем рыбу. Он усмехнулся, подумав, что вполне мог бы подрабатывать экскурсоводом. Отец часто рассказывал маленькому Ване интересные факты из истории города, а тот невольно их запоминал.

– Вы нас не сфотографируете на фоне фонтана? – Молодая девушка и ее спутник просяще воззрились на Ивана.

– Конечно. – Он взял протянутый фотоаппарат, отступил на пару шагов и сделал несколько кадров.

– Большое спасибо! – Молодые люди посмотрели на дисплее результат и, оставшись довольны, попрощались и двинулись в сторону Старой Ратуши.

Джек подумал о Гретхен. Интересно, чем она занимается в данную минуту? Тоже гуляет где-то со своим мужем? Или сидит дома, играет с ребенком. С его, Ивана Кравцова, ребенком.

Джек мог обманывать кого угодно, но не себя. В Мюнхен его привело не только желание навестить родителей.

Минувшие два года он подавлял любые воспоминания о Гретхен. Сначала это давалось с трудом, но постепенно житейские дела вытеснили привлекательный образ из головы, и стало заметно легче.

В офтальмологической клинике, где Джек восстанавливал зрение, он познакомился с легкомысленной медсестрой. Впрочем, легкомысленной она казалась только вначале. При близком общении Гретхен продемонстрировала удивительный прагматизм и разумность. Она была странной. Пожалуй, самой странной из всех встречавшихся ему женщин. Что-то в ней присутствовало иллюзорное, воздушное и одновременно с этим – жесткое, неуступчивое. Она словно совмещала в себе несколько личностей, создавая образ невнятный для окружающих, но вполне комфортный для нее самой. Гретхен трепала языком не задумываясь, однако в ее словах всегда сквозил тайный смысл. Она походила на книгу, в которой истинный сюжет прятался между строк.

Джек не испытывал к ней сексуального влечения – честно не испытывал. Пока не увидел. Она была красива, от макушки до пяток. Смотрела на него насмешливо и смущенно.

Они провели вместе ночь и утром расстались.

Они больше никогда не встретятся – таково было условие Гретхен. Она попросила об одолжении, и Иван не смог отказать, не подозревая, что сдержать слово будет так трудно. Он хотел ее увидеть. Спустя два года хотел сильнее, чем прежде.

Гретхен состояла в браке, но из-за проблем у супруга не могла забеременеть. Они решили выбрать здорового привлекательного мужчину и зачать ребенка с его помощью. Со слов Гретхен, Джек идеально подходил для этой роли.

Самое смешное, что он согласился. Он не имел склонности романтизировать прошлое, но воспоминания об их единственной ночи перекрывали все короткие и длительные интрижки, что были до и после. Их тела идеально подходили друг другу и взаимодействовали на каком-то ином энергетическом уровне. Иногда ему казалось, что его память играет с ним злую шутку, добавляя иллюзорных штрихов и ощущений. Но разве он не чувствовал ровно то же и два года назад, ранним мюнхенским утром, опустившись на колени перед Гретхен и спрятав лицо в ее коленях?

Иван отлично помнил, какие испытывал эмоции, – и жаждал их повторить. Он не знал, требовалась ли для этого та же женщина, или близкая по неоднозначности ситуация, или то и другое вместе. Он намеревался начать с самого простого: встретиться с Гретхен.

О ребенке думал в последнюю очередь. Любопытно взглянуть на плоть от своей плоти – но без сантиментов. Участвовать в жизни ребенка или претендовать на роль законного папаши он точно не планировал. Он выступил в роли донора спермы, ни больше ни меньше. Сделка есть сделка. По-настоящему его интересовала только женщина.

И здесь начинались определенные трудности. Медсестра дала Джеку понять, что любит своего мужа и счастлива в браке. Стефан идеальный мужчина – и при других обстоятельствах она бы не изменила ему. При таком раскладе она, скорее всего, откажется от встречи, даже зная, что дальше чашки кофе в общественном месте не пойдет. Да и с чего бы ей соглашаться? У нее все в порядке, она получила желаемое. Иван являлся эпизодом, средством достижения цели. Медсестра, поди, и имени его не вспомнит.

Джек остановился возле Хофбройхаус – исторической придворной пивной, известной тем, что там частенько сживал Гитлер. Такие шумные, наводненные туристами бары Джеку не нравились. Да и пиво он не любил.

Заметно похолодало. Иван побродил еще несколько минут, думая о Гретхен, и двинулся в сторону парковки.

Тогда

Лекция была скучной, Никита то и дело отключался. Если бы Артем не толкал его в бок, возвращая к реальности, он, чего доброго, захрапел бы на всю аудиторию. На четвертом курсе можно позволить себе некоторые вольности, но данный предмет был экзаменационным, а препода – жутким мстительным занудой.

– Блин, Темыч, засыпаю, сил нет, – страдальческим голосом поведаль Никита.

– Лег-то во сколько?

– Не помню. В пять. Или в шесть. Мне нужен кофе, немедленно.

– Хочешь свалить прямо сейчас или выдержишь пятнадцать минут до конца пары? – не отрывая взгляда от преподавателя за кафедрой, поинтересовался Артем.

Как только прозвенел звонок, друзья направились в кафетерий на первом этаже и взяли по двойному эспрессо. Несколько глотков горького напитка в считанные минуты оживили Никиту.

– Может, тебе не брать воскресные ночи? Все-таки понедельник – день тяжелый, и лекции, как назло, нужные, – предложил Артем.

– Исключено. На выходных самый замес, – отмахнулся приятель. – Прорвемся. Нам учиться осталось всего ничего.

– Ну смотри.

– Я-то смотрю. – Никита подозрительно прищурился и выдержал паузу. – А вот ты?

– Что я? – Свет глупо улыбнулся, хотя прекрасно понял намек. – У меня все нормально.

– Ты решился или нет?!

– В процессе.

Никита указал подбородком на его нетронутый кофе.

– Допивать будешь?

Артем молча подвинул к нему свой бумажный стаканчик. Товарищ сделал два больших глотка и серьезно посмотрел на него.

– Мы это уже сто раз перетерли. Что тебя останавливает?

Артем и сам не знал. Возможно, природная скромность. Или неуверенность в себе. Или боязнь поражения. А может, он просто не хотел делать шоу из своего увлечения. Для него паркур был философией, образом мысли. Глупо опускать его на соревновательный уровень.

Свету не нравилось то, что происходило в последние годы с паркуром. Главной задачей трейсеров стало не самосовершенствование, а желание дешевой популярности. Каждый снимал видео, участвовал в конкурсах, обучал новичков, пытаясь заработать и прославиться. В общем-то ничего дурного в этом не было, и не Артему судить других. Просто лично ему претил такой подход. Исключительно его собственные заморочки.

При всем при этом он отлично понимал, что и обычная жизнь среднестатистического человека ему не подходит. Нужно найти компромисс. А компромиссы всегда давались ему нелегко.

Близился чемпионат России по паркуру, и Никита настаивал, чтобы Артем принял в нем участие.

– Я же видел, на что ты способен, – горячился друг. – Ты реально крут, ты это знаешь. И я это знаю, и Полимер тоже. Но нужно, чтобы об этом узнал кто-то еще. Заяви о себе. У тебя появится больше возможностей, о которых ты можешь не подозревать. Ты сам говоришь, что офисная жизнь тебе не по нраву. Ну так дай себе шанс заниматься любимым делом и при этом не голодать. Вон, твой любимый Дэвид Бель тоже выступал против коммерциализации паркура, а поди ж ты, сейчас снимается и в рекламе, и в кино. И чем это плохо?

Никита бил по больному.

К французскому Дэвиду Белю, родоначальнику паркура, у Артема было особое отношение. И прежде всего потому, что они были чертовски, издевательски похожи внешне. Карие глаза, черные волосы, ровный нос, острый подбородок, телосложение одинаковое. Только разница в двадцать лет.

Увлечшись паркуром, юный Артем прилежно штудировал матчасть и выучил назубок биографию Дэвида Бея.

Родился идеолог движения в 1973 году в Нормандии, в небогатой семье. Его отец служил во французской армии и работал пожарным. Он был выдающимся спортсменом и высококвалифицированным спасателем и воспитывал сына соответственно. Немудрено, что Дэвид увлекся легкой атлетикой, гимнастикой и боевыми искусствами. В пятнадцать лет он собрал компанию молодых людей, которые впоследствии стали его сподвижниками. Они назвали себя «Ямакаси» (сильные духом и телом) и тренировались как одержимые. Тогда-то у Дэвида и вырисовалась идея о неограниченном перемещении в пространстве.

Большое влияние на формирование новой дисциплины оказал отец Дэвида. Во время службы во Вьетнаме он почерпнул много полезных навыков: концентрация внимания и физических возможностей, преодоление препятствий, ловкость и изобретательность. Именно от этой базы отталкивался Дэвид, создавая собственный стиль. Он учился проходить везде, где хотел пройти, – без страха и ограничений. Его тяга к приключениям и жажда свободы – как физической, так и духовной – толкала его вперед, на покорение новых вершин. «Нет границ, есть лишь препятствия» – эта фраза стала девизом трейсеров.

Долгое время Дэвид пробовал себя на различных работах, но ни в чем не находил удовлетворения. Он пребывал под влиянием захватившего его увлечения, но понимал, что паркур как самостоятельная дисциплина еще не имеет права на существование. А тут еще в команде начались разногласия, которые в конце концов привели к разрыву.

Дэвид и его лучший друг Себастьян Фукан стали вдвоем заниматься развитием паркура. Записывали видео, объясняли философию. Однако вскоре их дружба дала трещину. Себастьян брал за уроки деньги, тогда как Дэвид считал это недопустимым. Себастьян мечтал превратить паркур в бизнес. Принимал участие в коммерческих проектах, снимался в клипах и в итоге сформировал отдельное направление – фриран. Если смысл паркура заключается в рациональном перемещении из точки А в точку В за максимально короткое время, то суть фрирана состоит в эстетически приятном передвижении, пусть даже в ущерб эффективности. У фриранера нет цели закончить маршрут, он лишь получает удовольствие от красоты процесса.

Дэвид Бель не стремился к популярности. Однако один из записанных им роликов увидели телевизионщики и сняли о нем фильм. Медленно, но верно Дэвид Бель становился известным. В паркур вливалось все больше людей, и вскоре лихорадка охватила весь мир. Сам Дэвид, не видя иного способа жить в гармонии со своим увлечением, начал сниматься в кино и рекламных роликах, демонстрируя свои необычные способности и тем самым вдохновляя тысячи последователей.

Фильм «13-й район», в котором Бель снялся в главной роли, Артем пересматривал несколько раз. В замедленном режиме прокручивал головокружительные трюки своего кумира и раскладывал на элементы – шаг за шагом, – чтобы повторить самостоятельно.

– Я спрашиваю, чего ты молчишь? – упрямо повторил Никита.

– Думаю.

– И что надумал?

Артем повертел мобильный (дурная привычка) – и решительно положил его на стол.

– Ты прав.

– Оу? – Никита явно не ожидал столь скорой победы. – Позволь уточнить на всякий случай – в чем именно?

– Надо что-то делать. Отправлю сегодня заявку на участие.

– Вот это я понимаю, мужик! – обрадовался Никита.

Свет хоть и пообещал товарищу, но с исполнением не спешил. Тянул до последнего. После пар забежал на работу, прокуковал там до вечера. Дома переоделся, пошел на тренировку. Истязал себя два часа, но без толку: тело слушалось плохо, даже простые движения давались с трудом. Сложные трюки отрабатывать не рискнул. Сделал упор на ОФП. Приковылял домой на полусогнутых. Сварил пельмени, послонялся по квартире и лишь без четверти двенадцать включил компьютер.

Никита все правильно говорил. Для Света существовал лишь один путь выбиться в люди. Оставаясь в тени, успеха не добьешься. Паршивые законы современного мира: без пиара и саморекламы далеко не уедешь. Люди ведутся на красивые картинки, жаждут зрелищ и громких слов.

Артем выбрал папку с фотографиями на рабочем столе и кликнул мышкой. Прокрутил колесико вниз и щелкнул по изображению. На снимке – пустой зал, и в центре на матах пятнадцатилетний Свет сидит на прямом шпагате. Ох и пришлось тогда попотеть. Начиная заниматься в секции, Артем был как деревянный. Разводил ноги чуть шире плеч, дальше никак. Денни говорил, что если регулярно растягиваться, то года за полтора можно сесть. Артем тянулся каждый день. Дома закрывался в своей комнате, надевал на ноги целлофановые пакеты, чтобы скользить по ковру, и, скрипя зубами, держал позицию. Однажды под правой коленкой у него что-то щелкнуло и отозвалось резкой болью. Парень тогда перепугался до чертиков, думал, связку порвал. Боялся не самой травмы, а того, что надолго выйдет из строя. К счастью, ничего страшного не случилось. Впредь он тянулся осторожнее, увеличивая давление постепенно, без фанатизма. Расчеты Денни не оправдались. На шпагат Свет сел не через полтора года, а через восемь месяцев.

Данила после этого подрядился с ребятами пари заключать: за какой срок Свет выполнит тот или иной элемент. Ставки на импровизированном тотализаторе принимались смехотворные, но смысл был не в прибыли, а в веселье.

Первое время Свет из кожи вон лез, чтобы максимально быстро освоить сперва базовые упражнения, затем более сложные. Дураком был, рисковал. Как умудрился обойтись без тяжелых травм, непонятно. Везло, наверное. Ушибы, разумеется, присутствовали постоянно, но их Артем не замечал. Вот когда руку сломал – тогда неприятно было. Но он и с гипсом умудрялся практиковаться.

По малолетству демонстрировал довольно безответственное отношение к собственному здоровью. Спешил научиться как можно большему и не тратил силы на отработку и доведение до совершенства каждого элемента. Боялся, что упустит драгоценное время. Он и так слишком поздно начал. Дэвид Бель в его возрасте уже такого уровня достиг! И это было обиднее всего. Конечно, Бель крутой чувак, и Артем его безмерно уважал. Но они изначально находились в неравных условиях. Дэвид рос в спортивной семье, ему было на кого равняться и у кого учиться. А у Света не было. Отца интересовала только выпивка. Он бы и пары раз не отжался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.